

Кошмар с далекой планеты

Автор:

[Эдуард Веркин](#)

Кошмар с далекой планеты

Эдуард Веркин

Черничная Чайка #3

Как выяснилось, жизнь космических пиратов – это не только приключения, гонки с катерами Карантинной Службы и поиски сокровищ. Из-за ремонта «Черничной Чайки» Антон Уткин и Аврора Сон на неделю застряли рядом с поясом астероидов. Но время было потрачено не зря! Антон спланировал первый пиратский рейд – на планету Гоген. Райское место, где беспечные художники создают бесценные шедевры. Операция должна была получиться гениальной – и очень простой... Кто же знал, что на Гогене разразится эпидемия загадочного мобильного бешенства? Однако последние хулиганы Вселенной не привыкли отказываться от своих планов...

Эдуард Веркин

Кошмар с далекой планеты

Глава 1

Авария

Ян Пржелычик, студент Варшавской академии театрального искусства, установил восемнадцать мировых рекордов по спортивному плеванию пинг-

понговым шариком. На двадцать третьем чемпионате мира, проходившем в Найроби, Пржельчик послал снаряд на умопомрачительную дистанцию в сорок два метра и взял свой четвертый Межконтинентальный Кубок. В интервью газете «Z-Games» Ян сообщил, что его достижение – плод изнурительных тренировок, особой диеты и его собственной техники. В отличие от других спортсменов он не плюет с языка, раздувая щеки, как голодная жаба, он работает по-другому – заглатывает шарик и мощным сжатием легких выталкивает его, не забывая соблюсти оптимальную траекторию.

И побеждает. Будущее спортивной плевбы за техникой Пржельчика, сделал вывод корреспондент «Z-Games».

До цунами оставалось совсем немного, сто плевков Яна Пржельчика. Волна надвигалась, возвышалась и гремела, как пара вулканов средней руки, а я почему-то вспоминал вот эту глупость. На пересадочной станции, пока я ожидал коптера на педагогический остров, на глаза попались «Z-Games», прочитал не без удовольствия. Убедился, что маразм как феномен не растворился в далеком двадцать втором веке, маразм процветает и по сей день. Здравствует старикашечка!

Волна шла. Дельфин смотрел сквозь меня пустым взглядом и пронзительно пах рыбой. А я ничего не чувствовал. Как-то все это не по-настоящему было, мимо. Как в кино.

Прыгнуть бы повыше, куда-нибудь...

Короче, тут я немножко даже расчувствовался, немножечко себя уронил и почти...

Впрочем, ладно.

Явилась Аврора. Театрально так, в последнюю минуту, прямо как в «Гончих псах» – там погибающего под натиском киллоидов Игги Джигса в последнее мгновение выручает Капитан Волк. Аврора туда же. «Черничная Чайка» зависла над бассейном на гравитационной подушке, из шлюза выставилась недовольная Аврора и пренаглейшим образом спросила, долго ли ей еще нас ждать? Так спросила, гадски, через громкую связь, перекрывая стихию, кровь у меня потом из ушей текла, отомщу-отомщу.

Себя долго ждать мы не заставили. Даже Заскока – и того прихватили. А потом...

Потом прыжок почти с орбиты. Не оглядевшись, не разобравшись, Авроре, видите ли, пригрезился катер Карантинной Службы!

Прыжок, рыскания, накручивание паранойи, прятки в поясе астероидов. И вот тебе метеорит.

Застряли тут на неделю, может, на больше. Боты латают пробоину. Пробоина смешная – с горошину, мизинцем заткнуть можно. Только вот неудачная – продольная, прошло от сканера до рефлекторов. Хорошо прошло: восемь переборок, синтезатор, ортопедический матрац с кокосовой стружкой – он мне был уже дорог, палубного бота, машину гравитации, Авроре оторвало мизинец на правой ноге.

Это ее немножко развеселило, сбило скепсис, а то последние три дня сидела и все фыркала и недовольствовалась, как чесоточная ехидна в брачный период.

– Я тебе говорю – мне показалось, что там был катер! Сканер показывал приближение...

– У тебя в мозгу это приближение было! – Я стучал себя по голове. – В черепушке! Мы удрали с орбиты Земли, даже не выяснив, что там произошло! Почему нас забросили на этот остров!

– Если бы мы там еще немного повисели, то сейчас бы ты не здесь пончики лопал! – орала Аврора. – Ты бы в настоящем лагере сидел! Тебя бы сейчас перевоспитывали по полной!

– Лучше перевоспитываться по полной, чем находиться с тобой в одном пространстве!

– Да если бы не я, ты бы уже собой селедок откармливал! – приводила Аврора железный аргумент.

Это точно. До цунами оставалось всего ничего. Но должником при этом я себя совсем не чувствовал. Если бы не она, я сам с острова давно сорвался бы. На

«Чайке».

– И зачем я дернулась?! – Аврора царапала голову и носилась по кают-компании. – Зачем?! Вообще я Гошу хотела спасти, а не тебя! Ты случайно подвернулся!

Аврора. Эос. Каждый год в Англии четыреста человек вывихивают шеи, наблюдая за утренней звездой. У меня шея три дня потом болела, а под рукой ни пиявки целебной, ни муравья, даже вульгарной пчелы – и той нет... Случайно подвернулся! Ну да, так оно и есть. Случайно, все случайно...

– Ты бы мне спасибо сказал! – волновалась Аврора. – А ты на меня с нападками! Ты на меня с угрозами!

Я хотел ей сказать, что к угрозам пока еще не приступал и приступать вообще-то не собираюсь, просто возьму двумя пальцами и придавлю...

И тут метеорит. Муха.

Бздыц! Мизинец отделился. Авария.

Аврора вопила, как выпь в морозы. А поскольку гравмашина отключилась, Аврора с позорными криками повисла в пространстве, распространяя по сторонам кровавые ошметки. Тут же влетел автомед, Аврора шарахнула его здоровой конечностью, бот ударился в переборку, расшиб аптечку и распространил в воздухе йод, зеленку, унигель и чрезвычайно вонючие капли Анри.

Пробудился Заскок. В последнее время он был вял и ущемлен духом – я загнал его в рундук в кают-компании, и он сидел там на удивление послушно, иногда побрякивал, иногда выдавал что-нибудь административно-казенное, типа «во время движения держитесь справа» или «проезд при опущенном шлагбауме категорически запрещен», не знаю уж, где он такого понабрался. А после удара выставился и давай башкой вращать. Нащупал баян и даже как-то к нему потянулся, но тут мимо него пролетел кровавый кусок Аврориной конечности, и Заскок брюзжащим голосом заявил:

– Для утилизации биологических отходов надлежит использовать надлежащие контейнеры!

Пораженная Аврора открыла в рот, а Заскок тут же добавил:

– Прекратите разбрасывать мусор, берегите природу!

Аврора его, наверное, убила бы. Но тут весьма кстати завывли аварийные сирены, засвистел воздух, бортовой компьютер Глаша сонным голосом известила, что «объем нарушен, использовать кислородное оборудование». По стенам поползли оранжевые ремонтные миниботы, «Чайка» дернулась, теряя вектор, боты оторвались от стен и смешались с зеленкой, Авророй и ее оторванным мизинцем, образовалась дурацкая куча. Все это принялось кувыркаться, барахтаться и издавать разные звуки, я чуть аппендикс себе не отхохотал, пришлось на ночь бандаж надевать.

Для усугубления абсурда происходящего я взял баян и вручил его таки Заскоку. Тот немедленно заиграл, видимо, сидючи в рундуке, соскучился по прекрасному и прочим си-бемолям. Жизнерадостные песни про высокие удои (или надои) молока в европейской части России, про широкие поля, густые леса и одинокую песню соловушки, разудалые притопы (притоптывать, сидя в рундуке, было сложно, и вместо этого Заскок прищелкивал челюстями), развеселые присвисты (челюсти были заняты притопами, и присвистывал Заскок с помощью ушей, кажется) – все это богатство фольклорной культуры разносилось по рубке, поднимало настроение и мышечный тонус.

Аврора же от ярости сделалась цвета перезрелого мандарина, а я предложил Заскоку расширить свой репертуар за счет тирольских напевов и чукотского горлового пения. К моей радости Заскок (не даром он все-таки был Заскоком!) выполнил мою заявку – и захрипел что-то из репертуара алтайских шаманов и...

Теперь вот Аврора мастерит механического попугая. Я бы сказал, она мастерит возмутительного механического попугая – он очень похож на меня, не только карканьем, но и внешностью. Омерзительная птица, пристрелю ее, как будет готова. Послушаю, как кривляется, – и сразу пристрелю. Или лучше шею сверну, шея его так и просится в мои стальные лапы, хрум-хруст.

Мастерит попугая, палец восстанавливает. Кстати, он у Авроры регенерировал уже наполовину, и она его холит и лелеет, втирает бальзамы и припаривает припарки, смотреть противно. Хотя, с другой стороны, делать все равно нечего. Или попугая строй, или палец исцеляй. Мы стоим на луне X звезды Y планеты Z, я не стал запоминать название, там одни буквы и цифры. Атмосферы почти никакой, гулять негде, одни камни и ущелья, тоска. С Кошмарихой общаемся мало, она на меня в обиде за то, что я хохотал. Ну, когда палец оторвался.

Конечно, может быть, я и не прав, девчонки к своим пальцам трепетно относятся, ведь метеорит ей не только мизинец отстриг, он ей еще весь педикюр испортил, теперь заново подтачивай напильником, крась, полируй – работа нелегкая, можно сказать, изнурительная.

А с другой стороны – палец. Подумаешь, потеря. Вот если бы ей метеорит в голову попал, тут бы уже мало смешного было, а палец так, ерунда. Хотя у Кошмарихи, возможно, и голова способна регенерировать.

Как у гидры.

И вот она со мной не разговаривает – ну и пусть не разговаривает, я сам по себе.

Впрочем, мы все-таки общаемся. Так, немного, по необходимости. Определяем, что делать дальше. Куда направить свои злодейские космические стопы. Правда, определиться не можем, муки выбора, однакошь.

Боты запаивают пробоины, это дело кропотливое. А я, пока есть минутка свободная, пишу дневник. Даже не дневник, мемуар такой. А что, она попугая, а я дневник. Конечно, кто-то может сказать, что я еще молод для мемуара, что это удел седых двухсотлетних старцев, но я считаю, что нет, мемуар может писать любой, чья жизнь изобиловала приключениями, опасностями и дураками. Моя, лично, изобиловала и первым, и вторым, и третьим – этим в особенности, как собака блохами. Так что есть что сообщить. И вообще, все приличные люди прошлого писали мемуары, чем, чем я хуже?

Чем я хуже Макиавелли?

И даже лучше во много раз.

Так что пишу. По старинке так, красиво. Велел ремботу склепать пишущую машинку, бумаги наклеил, пишу. Убиваю сразу двух краказябров – освещаю свой жизненный путь – это раз, нервирую Аврору клацаньем клавиш – это два. Сижусь, печатаю, Стрыгин-Гималайский в Меркурианское лето просто. Буквы складываются в слова, в суровую летопись жизни, я пишу про Фогель, и про гигантскую рогатку, и про «Батискаф», и про многое, многое другое. Думаю. Что же все-таки случилось там, на острове Перевоспитания? И ответа не нахожу. Для того чтобы получить ответ, надо вернуться на Землю. А путь на Землю пока закрыт – там Карантинная Служба.

На седьмой (кажется) день Аврора не выдержала.

Глава 2

На Гоген

На седьмой день Аврора не выдержала. Нарушила молчание, снизошла до беседы и задала самый популярный во все времена и среди всех светил вопрос:

– Ну и что дальше?

Я ответил тоже тупо, чтоб неповадно было.

– Дальше понедельник. Или четверг. Короче, пятница, День Нейросерфера, знаешь такой праздник?

– Жуткин, я не переношу ослоумия. Что мы предпримем дальше? Или ты всю жизнь на этих камнях собираешься проторчать?

– Ну... Я...

– Ну я, ну я... – передразнила Аврора. – Не узнаю великого и грозного Антона Жуткина, сотрясателя основ! Худшего человека северного полушария! Ты можешь хоть что-то предложить?

На издевательства отвечай достойно – издевательством. Так еще Конфуций учил. Поэтому я спросил:

– Скажи мне, дорогая, твой папа с мамой радиолюбителями не были?

Аврора скрипнула челюстями.

– А похоже, – с сочувствием сказал я. – Они у тебя ведь такие, нонконформисты. Мобильные устройства запрещены, а они, может, ими назло пользовались? И до тебя, и после. Вот и результат, вот и мутации...

Аврора... Аврора опять челюстью скрипнула.

– Или, может, дедушка? Он мобильные телефоны тайно не коллекционировал? У меня один знакомый коллекционировал, так его уже три раза в карантине проветривали. Радиоволны – они ведь как радиация, деградация накапливается постепенно, генетическая структура меняется. Правда, это только через три поколения проявляется... Может, кто на станциях дальней связи работал?

– Нормальный у меня дедушка! – не выдержала Аврора. – И вообще все предки нормальные! Еще что-нибудь про мою семью и радио скажешь – прибью!

Нервы-нервы, точно дедушка мобильники собирал.

Но я не стал усугублять. В этот раз.

Я поглядел в потолок, поглядел на высунувшегося из рундука Заскока...

– Давай, что ли, пиратствовать начнем, – предложил я.

Глаз у Авроры блеснул. Видимо, идея эта ей до сих пор нравилась. Надо осторожно проверить, нет ли у нее медальона с Луисидором Альянде? Может, она вовсе не со мной пиратствовать собирается, а с ним? Я тут уже планы в голове обустраиваю, а она ссадит меня на какую-нибудь комету и махнет к своему милому дружку на Бирюзу. Выходит, значит, Луисидор из терм мраморных, а тут Аврора, вся такая огогенная. И говорит – Луисидор, твои глаза оставили в моем сердце след...

Кстати, большая часть из пытавшихся похитить корабль и начать бужанерствовать на звездных трассах – девчонки. Девчонки – они ведь впечатлительные, им стеклянный глаз покажешь, а они сразу в дисперсию, трястись начинают, стихи сочинять.

– Ну, давай, что ли, – Аврора равнодушно пожала плечами.

Будто это не она о пиратстве мечтала бессонными ночами, не рисовала в тетрадках Веселого Роджера и красавцев с кривыми саблями, нет, это я ее к этому принудил, а она тут совсем ни при чем, она хотела в кружок фалеристики записаться.

– Не, если ты не хочешь... – начал было я.

– Да ладно, все равно делать нечего. Карантинная Служба нас, наверное, по всем секторам ищет...

– «Черничную Чайку» нельзя найти, – я с удовольствием похлопал по борту корабля. – Игги Джигс установил антисканеры, ищи – хоть заищись. У нас лучший легкий корабль во всем флоте.

– Тебе не кажется это подозрительным? – прищурилась Аврора.

Конечно, мне это казалось подозрительным. Но мне совершенно не хотелось думать об этом сейчас.

– Нет, – сказал я, – подозрительного тут нет и на полногтя. Просто совпадение. И грех им не воспользоваться. Надо что-то делать.

– Ну, придумай чего...

Что она все нукает, тоже мне, конезаводчица.

– Можно... – я оглядел кают-компанию, – можно напасть на Бирюзу. Там воссоздали термы древнеримские, в них разные герои расслабляются. А мы их... Дустом.

Почему-то мне вспомнился этот самый дуст, хотя что это такое и как его применяли, я не знал совершенно. Наверное, генетическая память, слова разные тоже в ней откладываются.

- Мне не нравится, - Аврора надулась. - Это безобразная идея, только такой дурак, как ты, мог это предложить.

- Ну почему же, это оригинально... - попытался возразить я. - Свежо...

- Оригинально?! Свежо?! Нападение на Бирюзу! На ясли...

- Я не предлагал на ясли, - перебил я, - а предлагал на термы. Однако если тебя не устраивают термы, то можно на Курорт Карантинной Службы. Сначала набрать жидкого асфальта или грязи какой. Ила! С каракатицами и медузами! Как тогда, помнишь? А потом все это распылить на бреющем полете над пляжами! Во смеху-то будет!

- Это не пиратство, мон шер, это мелкое хулиганство, - Аврора презрительно скривилась. - Раньше за такое тебя бы высекли...

Палец у нее практически восстановился. Подрос. Она чуть задумалась, а потом закончила:

- На конюшне. Кажется, раньше на конюшнях секли?

- Это кого как, - уклончиво ответил я. - Тебя, разумеется, бы секли на конюшне, а меня...

- А тебя бы в палатах белокаменных!

- Меня бы вообще не секли, я ведь дворянин.

- Кто?

- Дворянин! - с гордостью сказал я. - Мой пра-пра-пра... Короче пра-пра, так вот, он был стремянным у Минина и Пожарского. То есть у одного Пожарского. Я человек благородный...

- Стремянной? – презрительно спросила Аврора. – Это что значит?

- Ну, это... Как бы тебе объяснить... Он...

Стремянной – это тот, кто держался за стремя своего начальника, кажется, так. Само собой, говорить про это Авроре мне совсем не хотелось. Поэтому я соврал. Придумал немножко.

- Стремянной – это тот, кто стремительно бросается в бой на врага, – сказал я. – Самым первым. Это самый храбрый, самый могучий...

- О! – притворно закатила глаза Аврора.

- Короче, меня бы не высекли.

- Ну, это неважно, – отмахнулась Аврора. – Высекли бы тебя или не высекли... К тому же, насколько я знаю, тебя уже секли...

- Это не считается, – возразил я. – Это я сам подстроил, специально...

- Ну конечно! Только мы сейчас о другом говорим. О том, что сама эта идея – заливания грязью терм...

- Карантинной службы, – поправил я.

- Разницы нет. Вся эта идея – жалкая и бессмысленная. Ну, зальешь. И что?

- Как что? – удивился я. – Смешно! Так им и надо!

Аврора мерзко хихикнула. Почему-то и Заскок хихикнул. Может, они сдружились втихую? Будут теперь вместе гекконов разводить.

- Что? – спросил я.

- Знаешь, Уткин, у меня подозрения возникают.

- И что же за подозрения?

- Вполне определенные. Мне кажется, у тебя некоторые комплексы. Тебя не взяли в Карантинную Службу - что само по себе неудивительно, я бы тебя даже в мусорщики не взяла, и ты теперь весь от этого клопочешь!

- Я не клопочу, - совершенно спокойно возразил я.

- Клопочешь! Я же вижу. Ты клопочешь от ненависти и собираешься залить несчастных агентов жидким асфальтом. Это жалкий поступок! Это комплексы!

- Ну да, - кивнул я. - Заливать асфальтом карантинщиков - это комплексы. А освобождать цирковых жирафов - это не комплексы!

- Да! - Аврора топнула ногой. - Это не комплексы! Это борьба!

- А почему ты не освободишь... лабораторных крыс, к примеру?

- Да я их тысячами освобождала! Миллионами!

Аврора завелась и принялась перечислять акты освобождения, начиная с самого первого, совершенного еще в четыре года. Я подумал, что зря про мышей сказал - теперь она мне перечислит каждую мышь поименно. С родословными. С родственниками. А Заскок в подтверждение всего этого кивал головой, совсем, видимо, заскочил. Нет, какая все-таки компания! Радикальная анархистка, робот-баянист, дельфин-коматозник.

Кстати, в коме-то в коме, а место занимает. Полкаюты. Разумеется, моей. К себе она Гошу не пустила, мотивировав тем, что он мужского пола. Я возражал, указывал на то, что, во-первых, он дельфин, во-вторых, он дельфин в коме, в-третьих, если Аврора опасается каких-то посягательств, то совершенно зря - Гоша упакован в надежный артексный кокон, из которого без резака выбраться нельзя.

Но Аврора все равно запихала Гошу ко мне. Это не очень удобно - жить в одной каюте с дельфином. Ему снятся сны, и от этого он начинает болтать хвостом. Она хотела еще и Заскока ко мне определить, но тут уж я воспротивился и

запинал этого наглого бота в рундук. Сначала вообще хотел его снаружи оставить, к корпусу приварить, пусть проветрится, но потом передумал. Не знаю даже, почему передумал, так просто. Теперь в рундуке киснет. Иногда, между прочим, нагло башку выставляет, в лоб бы ему из рогатки.

- Можно взять заложников, - предложил я.

- Что?

- Захватить заложников. Раньше это было весьма популярно. Захватывали заложников и требовали освобождения.

- Чьего освобождения? - насторожилась Аврора, и я понял, что сболтнул лишнего.

- Ну, можно не освобождения потребовать, а наоборот... Были бы заложники, а что требовать - придумаем.

- Допустим, - Аврора прищурилась. - Допустим, мы захватим заложников и выдвинем требования. А если их не выполнят? Что делать с заложниками?

- Я не знаю...

- Не знаю! - передразнила Аврора. - Не знаешь, а предлагаешь. А еще реконструктор!

Слово «реконструктор» было произнесено с крайне оскорбительной интонацией, практически как ругательство, наверное, микробиологи Средних веков с такой интонацией произносили слово «стафилококк».

- Можно напасть на Гоген, - сказал я.

Вообще сначала я хотел предложить напасть на Олимпию, маленькую такую планетку недалеко от Бирюзы, на которой отдыхали спортсмены. Сила тяжести там была небольшая, ну, как на Марсе, и спортсмены там чрезвычайно быстро восстанавливались. Наверное, я вспомнил знатного плевуна Яна Пржельчика или как там его, вот и решил на Олимпию. Но потом подумал, что это слишком глупо

– ну, нападём мы на Олимпию, а там все борцы, нео-боксеры или пусть даже плевунцы, как этот Пржельчик. Полетят от нас с Авророй клочки по закоулочкам, один Пржельчик чего стоит – как плюнет ядром, так и зашибет до смерти. Нет, Олимпия для нападения не годится... И тут же как некая противоположность Олимпии из моего сознания выплыла планета Гоген. Рай живописцев. Где никто тебя через бедро не перекинет и из лука не застрелит. Где все культурно и нормально, как в музее.

– Что? – переспросила Аврора.

– На Гоген, – повторил я. – Планету художников. На чью-нибудь виллу нападём, допустим, этого...

Я попытался вспомнить кого-нибудь из нынешних художников, какого-нибудь современного Рафаэля, но они, как ни странно, все вылетели из головы, просыпались как горох, как бестолковое просо...

Одним словом, в художниках я слаб.

– Можно ограбить Деревянского, – негромко сказала Аврора.

– Точно! – согласился я. – Деревянского – это то, что надо! Великий художник! У него эта...

Деревянского я знал, моя мама любит его картины, они способствуют дренажу желудочного сока, но ограбить его я был не против.

– Отличная идея, – покивал я. – Надо выкрасть... выкрасть... Ну, что он там нового нарисовал...

– Написал, – поправила Аврора. – Это ты рисуешь. На этих... На заборах!

– Дорогая Аврора, видела ли ты в наше время хоть один приличный забор?

– Нет, не видела. Но я примерно представляю, как они выглядят. Если бы я была сенсом и заглянула бы тебе в мозг, я бы там увидела одни заборы. Заборы в разные стороны. Слушай, я тебя так и называть буду – Забор...

– Оставим лирику, родная, – перебил я. – Что там такого великого великий Деревянский написал?

– Год назад... Год назад он как раз удалился в дебри Гогена, в творческое уединение. Наверное, к этому времени он что-то уже создал.

– Великое?

– У него все великое. Это большой... я бы даже сказала, гениальный мастер, он открыл новые пути, возродил...

– Значит, идем на Гоген, – решил я.

Вот так просто.

Кстати, она все-таки доделала своего железного попугая и выучила его кричать «Аут – дурак».

Не прощу, нет.

Глава 3

Драп и МоБ

Гоген...

Однажды я бывал на Бирюзе. Очень похоже. Только там все розово-золотистое, и сразу хочется спать, а тут нежно-голубое, с белыми точками высокогорных ледников, и хочется дать кому-нибудь по морде. Красота. Не зря художники эту планету выбрали, есть в ней что-то такое... Волнующее. На Новую Зеландию похоже. «Черничная Чайка» развернулась над экватором и стала медленно опускаться в центр большого круглого континента.

Управляла Аврора, я лежал в кресле, стрелял из плевалки в лоб Заскока и думал о перспективах. Так, своей неравномерной жизни. Как говорится, смежил веки и грезил в минуту сладостного уединения. Только долго грезить не случилось – корабль потрянуло и понесло в сторону, я немножко вывалился из кресла и немножечко ушибся лбом. И немножечко обругал Аврору. Так, в стиле двадцатого века примерно.

– Да ты не ори, ты посмотри, что у них там творится! – Аврора кивнула на экран. – Оживление! Массовый старт! Очень похоже на регату...

– Регата на планете художников? – с сомнением спросил я, потирая шишку. – Это вряд ли.

– А что, художники тоже... люди... Может, они... Ну, во имя чего раньше устраивались регаты... Во имя прекрасных дам?

– Ты себе льстишь. Во имя денег всегда они устраивались.

По древним рецептам к шишкам и прочим ушибам надлежит прикладывать холодный пятак. Пятак... Где вот в космосе возьмешь пятак? Можно, правда, Заскока выгнать в пространство, пусть он там охладится как следует, а я потом к нему приложусь...

– Во имя чего? – Аврора перебила ход моих великих мыслей.

– За вознаграждение, – пояснил я. – И мне кажется, это не регата...

– А что же тогда? – Аврора приблизилась к экрану. – Почему они так стартуют, это же против всяких правил...

– Они не стартуют, они драпают.

– Что?

– Тикают. Это банальнейший, скучнейший драп.

Непонимание на физиономии Авроры было так комично, что я добавил еще:

– Они линяют. Сваливают. Канают. Аврора, ты вроде как в человеческой лексике разбиралась?

– Ну, я не такой специалист, – сказала Аврора то ли с презрением, то ли с восхищением.

И немножечко прибавила скорости. Так, что меня по потолку чуть не размазало. С трудом успел пристегнуться.

– Автопилот активируй! – крикнул я Авроре. – Развалимся!

Но, видимо, слава капитана Тича не давала Авроре покоя, «Черничная Чайка» валилась на планету уже практически по баллистической траектории. К счастью, автопилот все-таки активировался самостоятельно. Дикое падение сменилось сладеньким парением, от встряски неожиданно заработали инерционные стабилизаторы, и на грунт мы встали мягко, как в перину ухнули.

– Осторожно с палисадом, – изрек Заскок. – Он не подлежит восстановлению.

– Напомни мне, Аврора, про бороду, – сказал я.

– Какую еще бороду?

– Какую-какую, черную. Подарю тебе к дню рождения. На резинке. Будешь совсем как Эдвард Тич, он тоже лихачом был известным...

– А я тебе подгузники подарю. Специально для случаев старта и посадки...

– А я тебе губозакаточную машину.

Аврора обалдела. Все-таки хорошо быть специалистом по реконструкции! Знаток древних идиом и сленгов! Ценителем слога проф. Мессера! Разве в наше время такие роскошные выражения встретишь?! Что, что наше время может противопоставить губозакаточной машине?

Ничего. Вот и Аврора захлебнулась. А она между тем не совсем безнадежна.

– Ладно, я с тобой потом разберусь... – Аврора кивнула на экран. – Вчера. Что-то у них тут странное...

В порту действительно происходило нечто необычное. Корабли располагались в беспорядке, кое-как, будто их рассыпали сверху, как бирюльки, и все были маломерными, максимум на пять человек, художники никогда стадами не путешествовали. По периметру стартового поля тянулась длинная унылая очередь. Творцы. В большинстве своем тощие мужчины беспорядочной внешности, под мышкой этюдник, за плечом тубус с творениями. У одного собака беспородной породы, у другого карликовый бегемот.

Имелась пара скульпторов с грузовыми тележками, забитыми бесформенными камнями, и еще тележка со ржавым железом, обмотанным ржавой же колючей проволокой. Я хихикнул, а Аврора пояснила, что это вовсе не камни, а произведение в стиле неодадаизма, название какое-то японское. А ржавое железо – это известная работа «Сердце» художника Шварцвайса, лауреата премии Родена Второй степени, что я ничего не понимаю, что нет в моей душе искры...

И так далее.

Очередь продвигалась довольно быстро, работники порта сбивали художников по три-пять человек и направляли к кораблям, художники грузились и с ревом уходили на орбиту.

Эвакуация, однако. Очень похоже на наше цунами...

У меня по загревку прошла неприятная мурашечная волна, я украдкой взглянул на Аврору.

Аврора сидела хмурая.

– Нет, если ты хочешь, мы можем улететь, – сказал я. – Тут, видимо, что-то опасное происходит...

– Тем лучше. Мир рушится, а джентльмены удачи непреклонно шагают сквозь хаос! Вот!

Аврора ткнула пальцем в экран.

- Вот, это наша стихия! Хаос, паника, всеобщий трепет! И джентльмены...

- Один джентльмен и одна джентльменка, - усмехнулся я.

Мы немного поспорили - может ли быть слово «джентльмен» женского рода. Я утверждал, что нет, Аврора же указывала на то, что за прошедшие века правила могли и измениться. И нечего придерживаться отживших догм, надо стремиться шагать новыми путями...

Ну и так далее. Если хочет, пусть будет джентльменкой, я не против. Пусть джентльменит, капитан Аврора Тич.

- Ну, тогда на выход, - сказал я. - Только не забудь задать корма дельфину, твоя очередь.

Аврора ругнулась, то ли по-японски, то ли по-корейски, и отправилась в мою каюту - вкалывать витамины в дельфиний язык. Старик Заскок ни с того ни с сего тоже было потянулся к выходу, однако я зыркнул на него и рявкнул, и бот спрятался в рундук. Ума-разума набирается помаленьку, голова картофельная.

Едва мы выбрались наружу - суровые и решительные, - как подбежала к нам девушка. Такая, лет двадцати, в малиновом комбинезоне и красивая, у меня даже сердце возрадовалось, давно ничего красивого не видел, к Авроре я привык уже, как к старому валенку.

На лице у красавицы читалась озабоченность. Даже серьезная озабоченность. Когда я вижу такую серьезную озабоченность, я включаю «петровский штиль». Казенно-куртуазный. Красавиц в малиновых комбинезонах это повергает в тотальный шок, и они делаются еще красивее. Трепещут мелко, а я трепещущих красавиц, как говорил классик, серьезный ценитель, люблю их почти как пиявок.

Я спрыгнул на грунт, улыбнулся, галантно поклонился и сказал:

- Сударыня, как рад я вас видеть, вы просто не представляете! Сюрприз! Что в переводе с древнефранцузского означает необычайный подарок!

Девушка собралась что-то сказать, но я уже нанес второй удар:

– В прошлом году на Бирюзе вы были просто обворожительны! Вы помните тот бостон? До сих пор в голове завитушки, будто наяву грежу!

– Я не была...

– Победительница конкурса красоты «Девушки Бирюзы», – я галантно поклонился еще раз. – Как можно вас забыть?!

Я поймал красавицину ручку и чмокнул ее, как какой-нибудь барон Румпельштицхен фон Рейтердамм из Нидерзаксена.

Красавица одеревенела.

– Сударыня, я вижу, вы нам совсем не рады?! Что так?! Неужели вы позабыли те вечера?

Степень одеревенения возросла.

– Биологи говорят, у нас... – Она обвела своими прекрасными очами стартовое поле. – У нас...

– Эпидемия, – закончил я. – Эпидемия поцелуев! Помните тот поцелуй, что вы подарили Спасоевицкому?! О, коварная!

Я сдвинул брови.

– Нет, просто...

– Я буду биться с ним на любом оружии! И низвергну... Так что там говорят биологи?

– Биологи говорят... – девушка обернулась. – Биологи говорят, что они не ожидали...

- Они не ожидали, а мы страдай?! - обиженно спросила Аврора.

Аврора появилась у меня из-за спины, мрачная и озлобленная. «Плакса» на плече, борода болтается, лысый череп блистает. Эдвардина Тич, точно ведь.

- Но я...

- И действительно, - подхватил я. - Я и так в жизни много страдал. Прямо как Стрыгин-Гималайский. Мы целый год готовились, тренировались, хотели ознакомиться с творчеством Деревянского...

- В конкурсах участвовали, - добавила Аврора.

- Да, - подтвердил я, - не просто участвовали - побеждали! Мы знатоки творчества Деревянского, и нас направили сюда для встречи с мастером. А вы говорите - биологи! Теперь как мы рефераты напишем?

- Рефераты?!

- Рефераты, - кивнул я сурово. - Потом мы будем их обсуждать на коллоквиуме.

- И на симпозиуме, - добавила Аврора.

- Но у нас...

- А кстати, что тут у вас произошло? - спросила Аврора с интонацией агента Карантинной Службы. - Тут у вас, я смотрю...

- Легкая паника, - закончил я.

- Да, у нас эвакуация... Большинство обитателей уже здесь, но некоторые еще в джунглях. Мы, конечно, послали за ними, но это же художники...

Афродита развела руками.

– Так что же все-таки случилось? – Аврора перевесила «плаксу» из-за плеча под мышку.

Красавица вздохнула.

Все было очень плохо.

Просто ужасно.

Гоген был милой планеткой. И мирной планеткой. Ни одной опасной формы жизни, и вообще с фауной небогато, в основном флора. Несколько видов бегемотов – карликовых и не очень, какие-то ящерки, птицы. Гигантские фруктоядные змеи, гигантские фруктоядные рыбы, крокодилы – поедатели водорослей. Одним словом, все лопают финики и греются на солнышке. И даже комаров нет.

Зато виды, напротив, чудесные.

Поэтому планету художники и облюбовали. И все шло бы хорошо. Если бы...

Красавица оглянулась на художников.

– Никто ничего не знает! – сказала она. – Но все очень напуганы. Приближается нечто ужасное! Первые случаи...

Первые случаи были зафиксированы около недели назад. График Штольц Штукер на выставке своих работ на Монмартре...

– Это такой тут у нас поселок, – пояснила девушка.

Так вот, график Штольц Штукер набросился на критика Зелинского за то, что тот сравнил триптих «Пангея» с продукцией дешевых кирпичных артелей. Ну, ладно, набросился и набросился – чего не бывает, художник, что с него взять, но Штукер пошел дальше – он Зелинского еще и искусал. Ну ладно бы куснул раз, куснул другой, художник ведь, но нет, он нанес сорок три покуса, в результате чего оба были госпитализированы...

– Меня это ничуть не удивляет, – заметил я. – Когда я был на Луне на дискуссионной олимпиаде, там один полемист другого за голову укусил...

– Не перебивай! – Аврора ткнула меня в бок локтем.

Я перестал перебивать, и девушка продолжила печальный рассказ. Художник искушал критика. Конечно, обычно случается наоборот, но, по большому счету, ничего страшного, бывает. Однако покусы даром не прошли, уже к вечеру у покусанного и у покусанта резко повысилась температура, и оба ни с того ни с сего набросились на персонал местного медпункта и тоже его покусали! Впрочем, и это событие никого не насторожило, хотя я не знаю почему, возможно, на планете Гоген массовые укусы всегда были нормой.

Но на следующий день имел место случай еще более безобразный – аквамобилизатор Килгор Сарафанов попытался утопить своего друга, тоже аквамобилизатора Симеона Гаркавенко. Поводом для конфликта стала попытка похищения Гаркавенкой примы трупы Сарафанова – дико талантливого М-вуалехвоста Рудольфа. Заметив, что Гаркавенко подманивает Рудольфа сушеной дафнией, Сарафанов пришел в возбуждение, накинулся на коллегу и принялся топить его в аквариуме. И если бы не подоспевшая супруга Сарафанова, злодейство свершилось бы непременно.

Два инцидента с участием жителей Гогена были уже явным превышением допустимой нормы ненормальности, когда же произошел инцидент номер три... Всем стало понятно, что дела намечаются серьезные. Три дня назад потерялась связь с поэтической группой «Собаки Злые», занимавшей небольшой коттедж в дельте Реки. Посланная в дельту комиссия обнаружила, что «Собаки Злые» исчезли. Совсем. Впрочем, как и вся остальная фауна вокруг. Дельта была совершенно пустынна, ни чудесных голубых фламинго, ни беломордых дельфинов, мертвая тишина.

И тогда решили начать эвакуацию.

– Биологи... – зашептала девушка. – Биологи, они нам ничего не говорят, но ходят слухи... Ходят слухи, что это МоБ.

Девушка поежилась. Да и я, честно говоря, тоже. МоБ. Мобильное бешенство. Самая страшная болезнь нашего времени.

- Это точно? - негромко спросила Аврора.

Девушка сделала одновременно непонимающее и подтверждающее движение плечами и остальным корпусом.

- И что теперь? - поинтересовался я.

- Планету, скорее всего, закроют. Через три дня подойдет «Горацио» - крейсер Карантинной Службы. Там есть специалисты для карантина и зачистки, а пока эвакуация.

- А Деревянский? - спросила Аврора. - Он уже тоже... эвакуировался? Надеюсь?

- Нет, к сожалению. Он на Острове.

Я чуть не рассмеялся. Опять остров! Ну, сколько можно?!

- Что смешного? - спросила девушка.

- Нет, ничего, он просто с моста в детстве свалился, - объяснила Аврора. - Рассказывайте, пожалуйста.

- Деревянский находился на Острове, во всяком случае, неделю назад точно. Это такой небольшой холм на берегу реки, в дельте, очень популярное среди художников место. Там тоже коттеджи, песчаные дюны, каналы, кедры. Холмы, опять же... Впрочем, на холмы посмотреть вам не удастся, наверное...

Со стороны очереди художников послышались громкие крики. Скульптор Шварценвайс требовал, чтобы его творение «Сердце» грузилось на корабль целиком, боты, ничего не смыслящие в современном искусстве, предлагали «Сердце» распилить на три части. Назревал скандал, красавица извинилась, взяла с нас слово, что мы немедленно уйдем на орбиту, и отправилась разбираться с творческими работниками.

- Взлетаем и садимся в трех километрах к северу, - я направился к кораблю. - Или, может, сразу на этот Остров сядем?

- Не. На Гогене очень мало пригодных для посадки площадок, тут песок везде, зыбуны. А на Остров можно только по реке до-браться, я читала.

- По реке, так по реке.

- Поведу я, - заявила Аврора. - Тут есть одно местечко... Только вот МоБ...

- Так я и знал, - ухмыльнулся я. - При первых же признаках опасности ты решила позорно отступить!

- Я не решила позорно отступить, просто... Ну, никто же не знает... МоБ...

- МоБ как МоБ, - изрек я. - И вообще, эпидемия мобильного бешенства на планете художников гораздо более симпатична, нежели такая же эпидемия на планете, например, спортсменов. Ты можешь представить взбесившегося Яна Пржельчика? Это ужасно! Это просто...

- Аут, давай по делу, ладно? Что ты знаешь про мобильное бешенство?

- Ну, немного, как все...

- Как все! Я вот почти ничего не знаю. Давай рассказывай. Насколько я знаю, ты специалист по давкам?

- В каком смысле? Ах, это...

Я действительно специалист по давкам. И в Ордене Реконструкторов отвечаю за организацию паник, массовых беспорядков и тому подобных инцидентов. Люблю, честно говоря, работать с масштабом. Впрочем, это было, кажется, тысячу лет назад.

- Насколько я помню, Токийская Давка была вызвана как раз этим - инвазией мобильного бешенства?

- Нет, не совсем. Там просто все думали, что это бешенство. Якобы кто-то видел, как один пассажир покончил с собой в метро, а потом будто бы сам собой восстал из-под поезда и набросился на остальных... Ну, короче, это все очень

сложно. Понимаешь, мобильное бешенство...

Никто ничего не знал толком о мобильном бешенстве. Считалось, что вирус МоБ возник в ходе Великого Сидения. Колония землян на планете с идиотским, на мой взгляд, названием Новая Утопия попала в экстремальную ситуацию. В результате сейсмического сдвига две тысячи человек оказались на каменной скале площадью в четыреста квадратных метров. Передатчики были уничтожены, причем как основной, так и оба резервных. Помимо этого сгорели синтезаторы и вся аэротехника. Покинуть скалу оказалось невозможно – раскинувшаяся вокруг вода была уже не водой, а слабым раствором кислоты. Люди питались сгоревшими птицами, населявшими скалу до катастрофы, и мертвой рыбой, которую выбрасывал прибой, пили кислую дождевую воду, стоя, сидя, практически не дыша и держась за руки. Что происходило все это время на острове, неизвестно. Погибло почти полторы сотни человек, и объяснить их гибель выжившие толком не сумели.

Корабль Карантинной Службы «Цезарь», вставший на орбиту через четыре месяца, сумел эвакуировать спасенных на равнину. Санационная команда поселила выживших в лагерь, и в первую же ночь они из этого лагеря сбежали. Они вообще много бегали, практически ни минуты не могли находиться в состоянии покоя. Дежурные психологи «Цезаря» пришли к выводу, что в результате Сидения в психике колонистов произошел некий слом, который сумел закрепиться на генетическом уровне и, кроме того, каким-то непостижимым образом умудрился наложиться на вирус, предположительно эпидемического паротита. Ситуация невозможная, впрочем, лаборатории «Цезаря» должной мощностью не обладали, и провести полное исследование на месте не удалось. К тому же научный сектор был разгромлен при попытке захватить корабль. Попытку предприняли пораженные вирусом колонисты Новой Утопии. Впрочем, особым успехом она не увенчалась, нападающие разгромили лаборатории, пищевой отсек, после чего были отбиты и скрылись.

Колонистов отлавливали по горам и долам и с большим, между прочим, трудом. Они не могли переносить человеческого общества и вообще общества живых существ размером больше хомяка, любыми силами стремились от этого соседства избавиться. Убежать, спрятаться, по-другому освободиться, всеми доступными средствами. Достать всех так и не удалось, несколько зараженных предпочли покончить с собой, нежели сдаться, другие не были найдены вовсе.

Впрочем, зараженные не переносили не только людского общества, их приводило в ярость все, что было построено человеком, от зданий до расчесок. На Новой Утопии было отловлено пятьдесят три человека. На орбите Харона трое пойманных вышли с корабля в открытое пространство, остальных три месяца держали в живом сахаре, потом лечили почти год и даже достигли некоторых результатов. Двум наиболее выздоровевшим позволили встретиться с родственниками, прибывшими с Лунной базы.

Это было серьезной ошибкой. Следующая вспышка произошла уже на Луне. Она оказалась масштабней и разрушительней, последствия Карантинная Служба расхлебывала почти четыре года, еще два года посещение Луны было запрещено, а корабли безумцев, бежавших с Луны в пространство, вылавливают до сих пор. Микробиологи, экзобиологи, криптобиологи и другие биологи изучали причину буйного поведения землян. Именно тогда возник и термин – Мобильное Бешенство, сокращенно МоБ.

Человек, инфицированный МоБ, бежит. Это основное проявление. Он бежит, стремится укрыться, а при появлении любого живого существа нападает. Однако, как выяснилось, у бешенства имеются и другие проявления. Порой самые неожиданные.

Штамм «Джим». Специалисты полагали, что одна из разновидностей древнего «Джима» вызывала массовые вспышки ликантропии в средневековых городах. В наши дни вместо свирепых и ужасных вервольфов МоБ продуцировал мосек. Уважаемые люди, многие кандидаты филологических наук, бегали друг за другом с лаем и визгом, на четвереньках, грызлись, задирали лапку, а некоторые – о ужас – приносили мячик!

«Герострат», разновидность печально известного и самого распространенного штамма «А». Подхватившие этот вирус не крушили все подряд, как полоумные берсерки, а уничтожали исключительно шедевры. Врывались в музеи и выставочные залы, плевали из огнеметов, брызгали кислотой, размахивали бритвами и вообще безобразничали по полной программе. Кстати, некоторые представители критического сообщества предлагали не лечить заболевших, а использовать их в благих целях отделения истинных произведений искусства от всяких прочих плевел. А широкоизвестный искусствовед и культуролог Юрий Лапа пытался заразиться «Геростратом» сам, впрочем, безуспешно.

«Ватель» пробуждал в зараженном неконтролируемый аппетит вкупе с извращением вкусов, больной мог накинуться на древнюю кирпичную стену и глотать ее до потери сознания. Или стулья, некоторые предпочитали стулья. Глотать, в смысле.

Переполоху наделал штамм «Шива», распространившийся почему-то среди населения скандинавского полуострова. Носители не впадали в ярость, не крушили раскладушки и не объедались до смерти устрицами, у них просто отрастали лишние руки. У кого одна, у кого две, а у Жигмунда Кристофорса, самого известного мобильника, этих рук отросло аж шесть штук! Причем лечиться Жигмунд отказался наотрез, предпочтя остаться восьмируким. Ребяшня обожала его и дразнила человеком-пауком.

МоБ вел себя непредсказуемо, был чертовски изобретателен и, кроме того, чрезвычайно заразен – передавался воздушно-капельным путем, через рукопожатие, и, что самое неприятное, его могли переносить другие виды. И не только переносить. Вспышки мобильного бешенства отмечались среди стайных животных, в частности, среди китов, волков и пчел. Киты традиционно выбрасывались на сушу, правда, делали это в каких-то катастрофических масштабах. Волки бегали кругами. Пчелы на людей нападать не стали, пчелы начали давать какой-то странный мед. Зеленого цвета с необычайно мощным галлюциногенным эффектом. Впрочем, другие животные тоже, бывало, страдали мобильным бешенством. Широкий резонанс получил случай с кенгуро-вампиrom, покалечившим и испугавшим около ста человек.

Вообще за несколько лет по всей планете было зафиксировано свыше трех десятков тысяч случаев инфицирования МоБ, как людей, так и других биологических объектов. Излечить не удалось больше половины заболевших.

Некоторые ученые считали, что МоБ – не что иное, как старый добрый грипп, мутировавший в результате радиации солнечного ветра. Другие усматривали в МоБе инопланетные корни, полагая, что на Новую Утопию он попал извне. Посредством метеорита, кометы или даже определенного вмешательства. Третьи вообще не считали МоБ вирусом, усматривая в нем всего лишь новую разновидность массовых фобий.

Так или иначе, МоБ считался самой опасной, самой неизлечимой и самой дурацкой болезнью нашего времени.

И вот теперь МоБ был здесь.

- МоБ - это серьезно, - негромко сказал я.

Аврора сидела в кресле, задумчиво щелкала себя пальцем по коленке. Я сидел и мысленно прикидывал - пойдут ли Авроре лишние руки? Честно говоря, я был не очень в этом уверен, вот если бы наоборот, если бы у нее рук поубавилось... Я представил Аврору вообще без рук.

Аврора без рук мне нравилась гораздо больше, чем Аврора с шестью руками.

- Ну, я не знаю... - Аврора, видимо, сама представляла себя и с руками и без. - Может...

- Понятно, - перебил я. - Все понятно. Ну что ж, давай двинем куда-нибудь... туда... Где поспокойнее. Ты вязать умеешь?

- Узлы?

- Носки. Будешь мне носки вязать...

- Сам себе вяжи носки! Взлетаем. Опускаемся в десяти километрах, там я знаю одно местечко.

- Ты уверена?

- Все! - В голосе Авроры прозвучала командирская сталь. - Взлет. Глаша, замкнуть объем!

Глава 4

Aurora Annihilation

Это было несколько громко сказано – «местечко». Старый космодром. Стартовый стол проржавел, между плитами не то что трава, кусты проросли. Река рядом – внизу, под горой, поэтому стартовое поле уже чуть под углом, вода подмыла. Мы встали на грунт в дальнем сегменте, подальше от зарослей, подальше от обрыва. Выгрузились.

– Что-нибудь чувствуешь? – вдохновенно спросила Аврора. – Душевный подъем? Жажду приключений?

– Воняет чем-то... – ответил я. – Боюсь, что приключениями. А так, вообще, трепет в подмышках. Что, двигаем к воде, миссус Черная Борода?

И мы двинули.

Перед нами простиралась река. Пронзительно голубого цвета, попить сразу захотелось, до Амазонки, конечно, не дотягивает, но все равно впечатляет.

– Разлив, видимо, – сказала Аврора. – Тут раньше платформа была каменная...

И стала спускаться к воде. Я за ней. Тащил консервы, палатки, оборудование кое-какое. Аврора, конечно же, вооружилась «плаксой», я взял штуцер и два патронташа.

Пока болтались в поясе астероидов, я занимался оружием. Работал в мастерской. Хотел сделать бластер, но, конечно, ничего не получилось, техника требовалась гораздо более тонкая. Зато сделал штуцер – люблю это оружие. Двуствольный, вертикальной схемы, два цилиндрических магазина по сторонам стволов. Прицелы – и лазерный, и оптический, приклад облегченный сделал, стволы на треть короче штатных. И даже червленое серебро пустил по цевью, красиво получилось.

Пули отлил тоже особые – из обедненного урана, из серебра. Чтобы стрелять было приятно.

Аврора ругалась, что мое ружье весит больше меня самого, и надо или меня из лодки выкинуть, или штуцер. Я за лодку не шибко переживал, надежная штука, даже не лодка, спасательный плотик – в случае, если корабль приводнится. И

водомерный двигатель есть – грести не надо. Впрочем, весла тоже имеются, что весьма кстати – если Аврора будет безумствовать, тресну ее веслом. Все радости жизни под рукой.

Аврора опять устроилась рулить, я не возражал. Пусть рулит, а я стану любоваться. После утомительного сидения в корабле душа радовалась от окружающего обилия зелени, воды и неба, природа на Гогене была и впрямь роскошная. Чем-то похоже на Рейн-батюшку и Амазонку-бабушку. От Рейна величественные поросшие хвойными лесами горы по берегам, от Амазонки – водные просторы. Красиво, хоть сам в художники записывайся.

Плыли мы довольно долго, наверное, потому, что не спеша обходили мели. Конечно, лодке мели не особенно страшны, но вот если нарваться на острый камень...

До поселка художников было совсем ничего, километров тридцать, наверное, можно пройти пешком, но Аврора ленилась. Или порулить в очередной раз ей хотелось, на нее периодически наваливались комплексы большой начальницы, и Аврора реализовывала их такими мелкими и жалкими способами. Сосредоточенно ворочала рулем и сверялась с навигатором. Я дремал. Или грыз семечки с независимым видом. Или беседовал с Авророй о разных важных вещах.

О ботфортах, например.

– Видишь ли, дорогая Аврора, – говорил я. – У каждого уважающего себя буканера должны быть ботфорты. Знаешь ли ты вообще, что такое ботфорты? Это такие сапоги. Выше колена. Из грубой буйволиной кожи. Со шпорами. Все пираты носили только ботфорты, их образ прочно вошел в фольклор и в мировую художественную культуру. Была даже раньше такая старая каперская песенка «А ну-ка, убери свои ботфорты...» А как ходишь ты? Какие-то жалкие пневмокеды... Какие-то убогие шортики! Тебя бы в этих шортиках к настоящему пиратскому бригу на милую бы не подпустили! Настоящий буканер носил ботфорты и только ботфорты! При первом же случае ты обязана застрелить буйвола и сшить из него ботфорты! И мне, и себе!

Или о курении.

– Видишь ли, драгоценная Аврора, поголовно все пираты курили. Или трубки, или сигары. Сигары лучше, потому что с ними меньше возни, взял – и закурил. Поэтому нам надо срочно начинать курить. В кают-компании есть небольшая оранжерея, там можно выращивать табак. Правда, с семенами у нас проблемы, где их найти, я пока не знаю, но достану. У меня есть старые связи. Табак вырастет, потом мы завялим его в реакторном отсеке, потом ты будешь из сушеных листьев сворачивать настоящие сигары. Сорт назовем «Aurora Annihilation» – лучшие сигары во всем мире! Возможно, мы даже возродим в человечестве страсть к курению! Сейчас же мало курят, ну, какие-нибудь разве что геологи-гляциологи, а начнут опять все. Поголовно! Курить снова станет модным! Все станут курить, кашлять желтой слюной и каждый год клонировать себе новые легкие, зубы, пищеводы и желудки! И все станут курить только «Aurora Annihilation»! И ты будешь сидеть – и сворачивать, сворачивать, сворачивать сигары, ввергая мир в хаос! Вот это протест! Это тебе не разграбление Женевской библиотеки! Ты знаешь, что в двадцать первом веке от курения погибало гораздо больше людей, чем от войн? А ты все по мелочи как-то работаешь...

Или о татуировках.

– Видишь ли, милая Ави, у каждого уважающего себя пирата должна быть татуировка. Это такой рисунок на коже. Я могу запрограммировать особым образом медицинского бота, и он сделает тебе татуировку. Можно на спине, можно на руках, можно на ногах. Но я бы тебе рекомендовал на голове. У тебя совсем лысая голова, и кожа на ней такая хорошая, гладкая. Я бы советовал тебе вытатуировать скорпиона. Или тарантула. Или псевдокреветку Лайта, у нее такая зверская наружность! Или лучше крейсер «Аврору»! Был такой исторический корабль, ты в курсе?

Аврора была не в курсе.

– А что, идея с крейсером мне больше всего нравится, идешь ты по городу Сорокопужску, а на голове у тебя крейсер! Это могуче! А потом, когда тебе надоест пиратствовать и ты решишь выйти замуж и родить детей, то тебе ее даже сводить не надо будет – волосы на голове просто вырастут – и все дела. Была татуировка – нет татуировки.

Аврора на все эти мои рассуждения почти никак не реагировала, тренировала терпение. Учится держать себя в руках, подумал я, и тут же прочитал ей

небольшую лекцию о настоящем пиратском терпении.

- Настоящий пират терпелив, как кобра, подкарауливающая добычу. Когда человека принимали в пираты, он проходил обряд посвящения. Среди новеньких выбирали самого старшего и сажали его в бочку с пометом чаек и тухлой рыбой, в которой он должен был просидеть три дня. И лишь после этого он считался настоящим пиратом. Вот и нам без посвящения не обойтись. Ты, кажется, на полтора года меня старше?

- Помолчал бы, - недобро посоветовала Аврора.

- Да ты совсем уже древняя, - рассмеялся я. - Ты просто старуха Изергиль какая-то, тебя с утеса надо сбросить. Или в это... в жерло вулкана.

- Я же говорю - помолчал бы!

- Ну, как ты говоришь! Разве настоящие пираты так говорят? Они говорят не «помолчал бы», они говорят «заткни глотку». Или «заткни пасть». Или просто «заткнись, мокрица». А ты что? Нет, это никуда не годится, это детский сад. Давай скажи.

- Что сказать?

- Скажи: «Заткнись, скотина!» Ты же умеешь, я знаю!

Аврора молчала.

- Ну что же?!

- Я... не могу...

- Почему не можешь? Раньше ведь могла, а теперь?

- Не могу...

– Ну, как знаешь. А вот лично я сдерживать себя в проявлениях не намерен. Настоящие пираты ругаются, плюют и рыгают.

– Что?

– Рыгают, – я набрал воздуха и рыгнул.

Трубно и протяжно, как олень в брачный период.

Аврора отвернулась.

Так ей и надо, подумал я с удовольствием. Сама все это пиратство придумала, пусть теперь видит, каково это.

В реальной жизни. По-настоящему. Без прикрас.

– Ты тоже учись, – посоветовал я. – Это очень полезно. Вот когда поймают тебя агенты Карантинной Службы и начнут допрашивать, ты им только рассмеешься в лицо. А потом рыгнешь. Вот так.

И я рыгнул еще протяжнее, в полтора оленя.

– И они со стульев попадают, агенты. А ты их обезвредишь своей мускулистой ладонью!

– Прекрати, пожалуйста, – попросила Аврора. – Это выглядит жалко.

– Почему жалко? Даже наоборот...

– Прекрати.

– И это еще не все, – я совсем не хотел прекращать. – Настоящий пират не моется в душе. Настоящий пират не расчесывается, впрочем, тут у тебя все в порядке. Настоящий пират не чистит зубы и ковыряется в носу! Настоящий пират рыгает, громко и пронзительно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/verkin_eduard/koshmar-s-dalekoy-planety

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)